

Позиция для судебного заседания.

«... национальным властям **надлежит** воздерживаться от **любых** нарушений Конвенции. Однако решение или меры, благоприятные для заявителя, в принципе не достаточны для того, чтобы лишить его статуса «жертвы» для целей статьи 34 Конвенции, если национальные власти не признали, ни прямо, ни по существу, а затем **не предоставили надлежащую компенсацию за нарушение Конвенции** (...)» (§ 28 **Постановления от 19.10.17 г. по делу «Ванчев против Болгарии»**).

«... статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Он категорически запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств и поведения жертвы (...) (§ 69 **Постановления от 19.01.21 г. по делу «Shlykov and Others v. Russia»**). ... Даже отсутствие намерения унижить или оскорбить задержанного путем помещения его или ее в плохие условия, хотя и является фактором, который следует принимать во внимание, не исключает установление нарушения статьи 3 Конвенции. Действительно, власти государства-ответчика **обязаны** организовать свою уголовно-исполнительную систему таким образом, чтобы гарантировать уважение достоинства заключенных, независимо от каких-либо финансовых или материально-технических затруднений (...) (§ 71 **там же**). В контексте мер пресечения ... использование наручников или других средств сдерживания обычно не вызывает вопросов по статье 3 Конвенции, если мера была применена в связи с законным задержанием и не влечет за собой применение силы или публичного воздействия сверх того, что разумно считается необходимым (...). Суд всегда должен учитывать конкретные факты дела (...) (§ 72 **там же**). Использование наручников может быть оправдано в определенных случаях, например, при переводе за пределы тюрьмы (...); при использовании в течение коротких периодов времени (...); или когда это представляет собой индивидуальную и периодически пересматриваемую меру в отношении заявителя, которая связана с оценкой личного риска на основе его поведения (...) (§ 73 **там же**). Систематическое применение наручников к заключенному при выходе из камеры само по себе считалось обращением в нарушение статьи 3 Конвенции, когда эта мера не имела достаточных оснований и применялась в течение тринадцати лет (...), четырнадцати лет (...), более пяти лет (...) и пяти месяцев (...) (§ 75 **там же**). ... надевание наручников на больного или иного слабого человека несоизмеримо требованиям безопасности подразумевает неоправданное унижение, намеренное или непреднамеренное (...) (§ 75 **там же**). Подводя итог, при оценке степени суровости применения наручников, Суд принял во внимание тяжесть приговора заявителю, его судимость и его история насилия (...); соответствие меры национальному законодательству (...); соразмерность меры поведению заключенного (...); законность содержания под стражей, публичный характер обращения, последствия для здоровья (...), состояние здоровья заявителя и другие меры безопасности, такие как охранники и собаки (...); и период времени, в течение которого были применены наручники (...) (§ 76 **там же**).

«Обращение квалифицируется как "унижающее человеческое достоинство" в значении статьи 3 Конвенции, если оно унижает или оскорбляет лицо, свидетельствуя о неуважении или умалении человеческого достоинства, или вызывает чувства страха, тоски или неполноценности, способные повредить моральному или физическому сопротивлению лица (...). Публичный характер обращения может быть значимым или усугубляющим фактором при оценке того, является ли оно "унижающим достоинство" в значении статьи 3 Конвенции (...) (§ 115 **Постановления от 17.07.14 г. по делу «Svinarenko and Slyadnev v. Russia»**). ... государство должно обеспечить, чтобы лицо содержалось под стражей в условиях, совместимых с уважением человеческого достоинства, и чтобы формы и методы исполнения этой меры не причиняли ему страдания и трудности, превышающие неизбежный уровень страданий, присущий заключению (...) (§ 116 **там же**). Что касается применения наручников или других инструментов ограничения свободы, оно обычно не вызывает вопроса с точки зрения статьи 3 Конвенции, если мера применена в связи с законным задержанием или заключением под стражу и не влечет применения силы или публичной демонстрации, выходящей за рамки того, что разумно считается необходимым. В этом отношении имеет значение, например, наличие оснований полагать, что данное лицо может сопротивляться задержанию, или попытаться скрыться, или причинить травмы или ущерб, или устранить доказательства (...) (§ 117 **там же**). Уважение человеческого достоинства составляет одну из основ Конвенции (...). Объект и цель Конвенции как инструмента

защиты отдельных лиц также требуют толкования и применения статьи 2 Конвенции таким образом, чтобы эти гарантии были практическими и эффективными. Любое толкование гарантированных прав и свобод должно быть совместимо с общим духом Конвенции, инструментом, направленным на поддержание и развитие идеалов и ценностей демократического общества (...) (§ 118 **там же**).

«... презумпция невиновности, имеющая основополагающее значение для защиты прав человека, возлагает **обязанность** доказывания на обвинение, гарантирует, что никакая вина не может быть презюмирована до тех пор, пока виновность не была доказана вне всяких разумных сомнений, обеспечивает, чтобы сомнения толковались в пользу обвиняемого, и **требует**, чтобы с лицами, которым предъявляются обвинения в совершении уголовного деяния, обращались в соответствии с этим принципом. ... в ходе судебного разбирательства подсудимые по общему правилу не должны заковываться в наручники или содержаться в клетках или каким-либо иным образом представлять на суде в облиии, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками, а средства массовой информации следует воздерживаться от подачи новостей таким образом, что это подрывало бы презумпцию невиновности (...). Исходя из представленной ему информации и ввиду того, что государство-участник не представило никаких других сведений или доводов относительно распространенности практики использования наручников в отношении подсудимых, обвиняемых в уголовных преступлениях, и их содержания в клетке и применения этой практики в данном конкретном случае, включая необходимость содержания сына автора в наручниках и в клетке на протяжении всего судебного процесса, Комитет приходит к выводу, что представленные ему факты свидетельствуют о том, что **право сына автора на презумпцию невиновности**, предусмотренное пунктом 2 статьи 14 Пакта, **было нарушено»** (п. 8.3 **Соображений КПЧ от 21.07.21 г. по делу «Andrei Mikhalenya v. Belarus»**).

«**Независимо от конкретных обстоятельств** ... суть Конвенции составляет уважение человеческого достоинства и что объект и цель Конвенции как инструмента защиты отдельных лиц также **требуют** толкования и применения этих положений таким образом, чтобы эти гарантии были практическими и эффективными. В связи с этим ... содержание под стражей лица в металлической клетке во время судебного разбирательства само по себе - **ввиду его объективно унижающей достоинство природы, несовместимой со стандартами цивилизованного поведения, служащими приметой демократического общества**, - является оскорблением человеческого достоинства в нарушение статьи 3 Конвенции (§ 138 **Постановления от 17.07.14 г. по делу «Svinarenko and Slyadnev v. Russia»**). Следовательно, содержание заявителей в металлической клетке составляло унижающее достоинство обращение, **запрещенное** статьей 3 Конвенции. Соответственно, **имело место нарушение** данного положения Конвенции» (§ 139 **там же**).

«... Автор также заявил, что в нарушение его права на презумпцию невиновности он находился в зале заседания суда в наручниках и за решеткой на протяжении всех судебных слушаний по его делу. Государство-участник не оспорило эти утверждения. Комитет напоминает, что в соответствии с Пактом гарантируется право обвиняемого лица считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана компетентным судом. При отсутствии соответствующей информации со стороны государства-участника Комитет приходит к выводу о том, что приведенные автором факты свидетельствуют о нарушении пункта 2 статьи 14 Пакта» (п. 6.8 **Соображений КПЧ от 06.04.18 г. по делу «Andrei Sannikov v. Belarus»**).

«... в ходе судебного разбирательства подсудимые не должны заковываться в наручники или содержаться в клетках или каким-либо иным образом представлять на суде в облиии, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками (...). ... содержание г-на Формонова в клетке представляет собой нарушение его права на презумпцию невиновности до доказательства его вины в соответствии с пунктом 2 статьи 14 Пакта» (п. 9.4 **Соображений КПЧ от 06.04.18 г. по делу «Ozoda Yakubova v. Uzbekistan»**).

«... презумпция невиновности, имеющая основополагающее значение для защиты прав человека, возлагает обязанность доказывания на обвинение, гарантирует, что никакая вина не может быть презюмирована до тех пор, пока виновность не была доказана вне всяких разумных сомнений, обеспечивает, чтобы сомнения толковались в пользу обвиняемого, и **требует**, чтобы с лицами, которым предъявляются обвинения в совершении

уголовного деяния, обращались в соответствии с этим принципом. ... в ходе судебного разбирательства подсудимые по общему правилу не должны заковываться в наручники или содержаться в клетках или каким-либо иным образом представлять на суде в облиии, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками, и что средства массовой информации следует воздерживаться от подачи новостей таким образом, чтобы это подрывало презумпцию невиновности (...). На основе предоставленной ему информации и ввиду непредставления государством-участником никакой другой соответствующей информации или доводов в отношении необходимости содержать автора в клетке на протяжении всего судебного процесса Комитет заключает, что факты в том виде, в котором они были ему представлены, свидетельствуют о **нарушении права г-на Грунова на презумпцию невиновности, закрепленного в пункте 2 статьи 14 Пакта»** (п. 8.4 **Соображений КПЧ от 12.07.18 г. по делу «Aleksandr Grunov v. Belarus»**).

«... презумпция невиновности, имеющая основополагающее значение для защиты прав человека, означает, что бремя доказывания лежит на стороне обвинения, что вина **должна быть безоговорочно** доказана и не может быть вменена и что **всякие** сомнения **должны** толковаться в пользу обвиняемого, и что с лицами, обвиняемыми в совершении уголовных преступлений, следует обращаться в соответствии с этим принципом. **Все** государственные органы **обязаны** воздерживаться от любых действий или заявлений, предрешающих исход судебного разбирательства, в том числе от публичных заявлений о виновности обвиняемого (...). Во время судебных разбирательств подсудимые, как правило, **не должны** быть в наручниках или находиться за решеткой или иным образом представлять в суде в облиии, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками (...). Способ подачи новостей в средствах массовой информации также не должен подрывать принцип презумпции невиновности (...). С учетом вышеизложенного и ввиду отсутствия в материалах дела какой-либо иной соответствующей информации Комитету не остается ничего иного как с должным вниманием отнестись к утверждениям автора. Поэтому он заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении права г-на Козулина на справедливый суд согласно пунктам 1 и 2 статьи 14 Пакта. ...» (п. 9.8 **Соображений КПЧ от 21.10.14 г. по делу «Olga Kozulina v. Belarus»**).

«... презумпция невиновности, имеющая основополагающее значение для защиты прав человека, возлагает обязанность доказывания на обвинение, гарантирует, что никакая вина не может быть презюмирована до тех пор, пока виновность не была доказана вне всяких разумных сомнений, обеспечивает, чтобы сомнения толковались в пользу обвиняемого, и **требует**, чтобы с лицами, которым предъявляются обвинения в совершении уголовного деяния, обращались в соответствии с этим принципом. ... в ходе судебного разбирательства подсудимые по общему правилу не должны заковываться в наручники или содержаться в клетках или каким-либо иным образом представлять на суде в облиии, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками, и что средства массовой информации следует воздерживаться от подачи новостей таким образом, чтобы это подрывало презумпцию невиновности (...). На основе предоставленной ему информации и ввиду непредставления государством-участником никакой другой соответствующей информации или доводов в отношении необходимости содержать автора в клетке на протяжении всего судебного процесса Комитет заключает, что факты в том виде, в котором они были ему представлены, свидетельствуют о **нарушении права г-на Грунова на презумпцию невиновности, закрепленного в пункте 2 статьи 14 Пакта»** (п. 8.4 **Соображений КПЧ от 12.07.18 г. по делу «Aleksandr Grunov v. Belarus»**).

«... **условия**, в которых заявитель содержался на протяжении судебного разбирательства, были унижающими (...). Устанавливая нарушение статьи 3 Конвенции, Европейский Суд учитывал, что заявитель должен был иметь объективно оправданные опасения по поводу того, что **его содержание на виду в клетке во время слушаний по их делу могло передать судьям, принимавшим решения по вопросам их уголовной ответственности и свободы, отрицательный имидж как опасный до степени, требующей столь крайнего физического ограничения, что подрывало бы презумпцию невиновности** (...))» (§ 91 **Постановления от 14.06.16 г. по делу «Urazov v. Russia»**).

«В контексте мер по обеспечению безопасности в зале судебных заседаний ... средства, выбранные для обеспечения порядка и безопасности в зале суда, не должны включать в себя принудительные меры, которые по своей жестокости или по своему характеру подпадают под действие статьи 3 Конвенции, поскольку пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание не могут быть оправданы ни при каких обстоятельствах (...).

содержание в металлической клетке не соответствует требованиям статьи 3 Конвенции ввиду того, что оно объективно нарушает достоинство человека (...) (§ 122 **Постановления от 04.10.16 г. по делу «Yaroslav Belousov v. Russia»**).

«Суд принимает к сведению заявление правительства о нарушении статьи 3 Конвенции. В этих обстоятельствах и с учетом его прецедентного права (...) Суд не находит оснований для иного. В этой связи он приходит к выводу о том, что содержание заявителей в металлических клетках в залах судебных заседаний представляет собой унижающее достоинство обращение, запрещенное статьей 3 Конвенции. Соответственно, имело место нарушение этого положения» (§ 31 **Постановления от 31.01.17 г. по делу «Vorontsov and Others v. Russia»**).

«... в его замечаниях общего порядка № 32, в соответствии с которыми «презумпция невиновности, имеющая основополагающее значение для защиты прав человека, возлагает **обязанность доказывания на обвинение**, гарантирует, что никакая вина не может быть презюмирована до тех пор, **пока виновность не была доказана вне всяких разумных сомнений, обеспечивает, чтобы сомнения толковались в пользу обвиняемого**, и требует, чтобы с лицами, которым предъявляются обвинения в совершении уголовного деяния, обращались в соответствии с этим принципом» (...). Данные замечания общего порядка относятся и к **обязанности** государственных органов власти воздерживаться от предрешения исхода судебного разбирательства, например, воздерживаясь от публичных заявлений, в которых утверждается о виновности обвиняемого (...); далее в них утверждается, что **в ходе судебного разбирательства подсудимые по общему правилу не должны** заковываться в наручники или **содержаться в клетках, или каким-либо иным образом представлять на суде в облиии, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками**, а средствам массовой информации следует воздерживаться от подачи новостей таким образом, чтобы это подрывало принцип презумпции невиновности. На основании информации, предоставленной Комитету, и **в отсутствие какой-либо относящейся к данному вопросу информации от государства-участника**, Комитет считает, что предусмотренная пунктом 2 статьи 14 Пакта презумпция невиновности ... была нарушена» (п. 11.4 **Соображений КПЧ от 29.10.12 г. по делу «Lyubov Kovaleva and Tatyana Kozyar v. Belarus»**).

«... презумпция невиновности, имеющая основополагающее значение для защиты прав человека, означает, что бремя доказывания лежит на стороне обвинения, что вина **должна быть безоговорочно доказана** и не может быть вменена и что **всякие сомнения должны** толковаться в пользу обвиняемого, и что с лицами, обвиняемыми в совершении уголовных преступлений, следует обращаться в соответствии с этим принципом. **Все** государственные органы **обязаны** воздерживаться от любых действий или заявлений, предрешающих исход судебного разбирательства, в том числе от публичных заявлений о виновности обвиняемого (...). Во время судебных разбирательств подсудимые, как правило, **не должны** быть в наручниках или находиться за решеткой или иным образом представлять в суде в облиии, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками (...). Способ подачи новостей в средствах массовой информации также не должен подрывать принцип презумпции невиновности (...). С учетом вышеизложенного и ввиду отсутствия в материалах дела какой-либо иной соответствующей информации Комитету не остается ничего иного как с должным вниманием отнестись к утверждениям автора. Поэтому он заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении права г-на Козулина на справедливый суд согласно пунктам 1 и 2 статьи 14 Пакта. ...» (п. 9.8 **Соображений КПЧ от 21.10.14 г. по делу «Olga Kozulina v. Belarus»**).

«... презумпция невиновности, которая имеет основополагающее значение для защиты прав человека, возлагает на обвинение бремя доказывания обвинения, гарантирует что никакая вина не может быть презюмирована до тех пор, пока обвинение не будет доказано вне разумных сомнений, **обеспечивает, чтобы сомнения толковались в пользу обвиняемого**, и требует, чтобы с лицами, обвиняемыми в преступном деянии, обращались в соответствии с этим принципом. ... в ходе судебного разбирательства подсудимые **по общему правилу не должны** заковываться в наручники или **содержаться в клетках, или каким-либо иным образом представлять на суде в облиии, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками**, а средствам массовой информации следует воздерживаться от подачи новостей таким образом, чтобы это подрывало принцип презумпции невиновности. На основании представленной ему информации и в отсутствие какой-либо другой соответствующей информации или аргументов со стороны государства-участника относительно необходимости держать автора в металлической клетке во время его судебного разбирательства в суде, Комитет считает, что представленные факты свидетельствуют о том, что право считаться невиновным в отношении г-на Гришковцова, гарантированное пунктом 2 статьи 14 Пакта, было нарушено» (п. 8.4 **Соображений КПЧ от 01.04.15 г. по делу «Oleg Grishkovtsov v. Belarus»**).

«... содержащееся в статье 7 **запрещение** дополняется позитивными **требованиями** пункта 1 статьи 10 Пакта, в котором предусматривается, что "все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности" (...). ... на государство-участник возлагается позитивное **обязательство гарантировать человеческое достоинство** всех лиц, лишённых свободы, и обеспечивать, чтобы они "**пользовались всеми правами, предусмотренными в Пакте**, при условии соблюдения ограничений, неизбежных для жизни в неволе" (...). ... "все государственные органы власти **обязаны** воздерживаться от предрешения исхода судебного разбирательства [...]. В ходе судебного разбирательства подсудимые по общему правилу **не должны заковываться в наручники или содержаться в клетках или каким-либо иным образом представлять на суде в облиии, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками**" (...), так как это может привести к нарушению пункта 1 статьи 14. ... пункт 3 b) статьи 14 Пакта содержит важные элементы, направленные на **обеспечение** принципов справедливого судебного разбирательства, **включая право обвиняемого на получение и использование документов, которые необходимы для подготовки защиты** (п. 9.2 **Соображений КПЧ от 20.03.14 г. по делу «Mikhail Pustovoit v. Ukraine»**). ... государство-участник **не рассмотрело** конкретно эти утверждения и **не доказало**, что принятые в отношении автора меры соответствовали статье 7 и пунктам 1 и 3 b) статьи 14 Пакта. В частности, оно **не доказало**, что помещение автора в металлическую клетку во время открытого судебного процесса в Верховном суде с руками в наручниках за спиной было необходимо в целях обеспечения безопасности или отправления правосудия (...) и что не было никаких других альтернативных возможностей, согласующихся с человеческим достоинством автора и с необходимостью избежать представления автора суду в облиии опасного преступника. Государство-участник также **не доказало**, что использование наручников в отношении автора, когда он знакомился с протоколом судебного заседания или когда его кассационная жалоба рассматривалась Верховным судом, согласуется с его правом иметь достаточные возможности для подготовки своей защиты. По этой причине и в отсутствие другой приобщенной к делу информации Комитет приходит к выводу о том, что представленные факты свидетельствуют о нарушении прав автора, предусмотренных в статье 7 Пакта, ввиду унижающего достоинство обращения с ним в ходе судебного разбирательства; о нарушении его прав, предусмотренных в пункте 3 b) статьи 14 Пакта, ввиду вмешательства в подготовку его защиты; и о нарушении его прав, предусмотренных в статье 7 в сочетании с пунктом 1 статьи 14 Пакта, ввиду унижающего достоинство обращения, которое повлияло на справедливость судебного разбирательства» (п. 9.3 **там же**).

«... Автор также заявил, что в нарушение его права на презумпцию невиновности он находился в зале заседания суда в наручниках и за решеткой на протяжении всех судебных слушаний по его делу. Государство-участник не оспорило эти утверждения. Комитет напоминает, что в соответствии с Пактом гарантируется право обвиняемого лица считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана компетентным судом. При отсутствии соответствующей информации со стороны государства-участника Комитет приходит к выводу о том, что приведенные автором факты свидетельствуют о нарушении пункта 2 статьи 14 Пакта» (п. 6.8 **Соображений КПЧ от 06.04.18 г. по делу «Andrei Sannikov v. Belarus»**).

«... в ходе судебного разбирательства подсудимые **не должны** заковываться в наручники или содержаться в клетках или каким-либо иным образом представлять на суде в облиии, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками (...). ... **содержание ... в клетке представляет собой нарушение его права на презумпцию невиновности до доказательства его вины в соответствии с пунктом 2 статьи 14 Пакта**» (п. 9.4 **Соображений КПЧ от 06.04.18 г. по делу «Ozoda Yakubova v. Uzbekistan»**).

«... презумпция невиновности, имеющая основополагающее значение для защиты прав человека, возлагает обязанность доказывания на обвинение, гарантирует, что никакая вина не может быть презюмирована до тех пор, пока виновность не была доказана вне всяких разумных сомнений, обеспечивает, чтобы сомнения толковались в пользу обвиняемого, и **требует**, чтобы с лицами, которым предъявляются обвинения в совершении уголовного деяния, обращались в соответствии с этим принципом. ... в ходе судебного разбирательства подсудимые по общему правилу не должны заковываться в наручники или содержаться в клетках или каким-либо иным образом представлять на суде в облиии, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками, и что средства массовой информации следует воздерживаться от подачи новостей таким образом, чтобы это

подрывало презумпцию невиновности (...). На основе предоставленной ему информации и ввиду непредставления государством-участником никакой другой соответствующей информации или доводов в отношении необходимости содержать автора в клетке на протяжении всего судебного процесса Комитет заключает, что факты в том виде, в котором они были ему представлены, свидетельствуют о **нарушении права г-на Грунова на презумпцию невиновности, закрепленного в пункте 2 статьи 14 Пакта»** (п. 8.4 **Соображений КПЧ от 12.07.18 г. по делу «Aleksandr Grunov v. Belarus»**).

«... презумпция невиновности, имеющая основополагающее значение для защиты прав человека, возлагает **обязанность** доказывания на обвинение, гарантирует, что никакая вина не может быть презюмирована до тех пор, пока виновность не была доказана вне всяких разумных сомнений, обеспечивает, чтобы сомнения толковались в пользу обвиняемого, и **требует**, чтобы с лицами, которым предъявляются обвинения в совершении уголовного деяния, обращались в соответствии с этим принципом. Кроме того, ... в ходе судебного разбирательства подсудимые по **общему правилу не должны** заковываться в наручники или содержаться в клетках или быть представлены перед судом каким-либо иным образом, указывающим на то, что они могут быть опасными преступниками, и что средства массовой информации следует воздерживаться от подачи новостей в ключе, подрывающем презумпцию невиновности (...). Исходя из предоставленной ему информации и ввиду того, что государство-участник не представило никаких других сведений или доводов в пользу необходимости использования наручников и помещения брата автора на протяжении всего судебного процесса в клетку, а также надевания на него в ходе кассационного разбирательства одежды, предназначенной для приговоренных к смертной казни, Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о том, что **право ... на презумпцию невиновности, предусмотренное статьей 14 (2) Пакта, было нарушено»** (п. 8.3 **Соображений КПЧ от 18.07.19 г. по делу «Aleksey Ivanov v. Belarus»**).

Таким образом, по Постановлению от 31.01.17 г. по делу **«Vorontsov and Others v. Russia»** мы видим, что власти РФ сами уже соглашались с тем, что подвергают в клетках Жертв бесчеловечному обращению и **по этим фактам готовы добровольно заплатить компенсацию.**

1.7.13.1 27.06.17 г. были коммуницированы жалобы по делу «Эдуард Викторович Перекрестов и два других заявителя против РФ», где перед российской стороной были поставлены вопросы:

1) Были ли подвергнуты претенденты унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 3 Конвенции в связи с их удержанием в металлических клетках в залах судебных заседаний во время разбирательств в Таганрогском городском суде и Кировском районном суде г. Ростова-на-Дону (...)? Правительству предложено предоставить **подробное описание и фотографии** металлических клеток, используемых для ограничения заявителей.

2) Могло ли заключение заявителей в металлических клетках в залах судебных заседаний во время разбирательств в Таганрогском городском суде и Кировском районном суде г. Ростова-на-Дону повлечь за собой неуважение к гарантиям справедливого судебного разбирательства в соответствии со статьей 6 Конвенции? В частности, были ли заявителям предоставлены возможности получить эффективную юридическую помощь в зале суда, как того требует статья 6 § 3 (с) Конвенции? Была ли у заявителей возможность иметь конфиденциальные контакты со своими адвокатами, как устные, так и письменные, во время слушаний (...)?

3) Было ли содержание заявителей под стражей основано на «соответствующих и достаточных» причинах и было ли оно совместимо с требованиями статьи 5 § 3 Конвенции (...)? Сторонам предложено предоставить копии всех соответствующих документов.

Также были заданы специальные вопросы:

1) Имели ли заявители в своем распоряжении эффективные внутренние средства правовой защиты для своих жалоб в соответствии со статьей 3 Конвенции в отношении их удержания в металлических клетках, как того требует статья 13 Конвенции (...)?

2) Имели ли заявители в своем распоряжении эффективные внутренние средства правовой защиты для своих жалоб в соответствии с пунктами 1 и 3 (с) статьи 6 Конвенции в отношении их удержания в металлических клетках, как того требует статья 13 Конвенции (...)?

«... вмешательство в права по Конвенции не может считаться законным только лишь из-за отсутствия каких-либо положений, которым оно противоречит. Само по себе вмешательство должно иметь достаточное основание в национальном законодательстве, чтобы не быть произвольным (...)» (§ 54 **Постановления от 24.11.2011 г. по делу «Загородний против Украины»**).

«... установление негибких временных ограничений может противоречить важности

частного интереса, поставленного на кон (...)» (§ 29 **Постановления от 05.04.18 г. по делу «Докторов против Болгарии»**). «... положение, при котором правовая презумпция может превалировать над биологическими и **социальными реалиями без учета установленных фактов** и желаний заинтересованных лиц, **не принося никакой пользы кому-либо**, не соответствует **обязательству** обеспечивать **реальное "уважение"** частной и семейной жизни, даже если были соблюдены пределы усмотрения Договаривающихся Государств (...)» (§ 44 **Постановления от 24.11.05 г. по делу «Шофман против РФ»**). «... процесс принятия решений проблематичен там, где национальные власти не рассматривали личные обстоятельства заявителей (...)» (§ 30 **Постановления от 05.04.18 г. по делу «Докторов против Болгарии»**). **Правовая презумпция должна соответствовать реальности** и в тех случаях, когда процесс принятия решения включает такие элементы, как подробное изучение фактических обстоятельств компетентными органами, **должен** быть соблюден баланс между интересами сторон, с учетом более высоких интересов и Жертве должна быть предоставлена возможность представить свое лично положение и позицию (§ 31 там же). Лишение Жертвы любой возможности рассмотреть его дело и **индивидуальные обстоятельства** несоразмерны преследуемым законным целям. Из этого следует, что справедливый баланс между общими интересами защиты правовой определенности в соответствующей области и интересами других сторон не может быть достигнут (§ 33 там же). Соответственно, при таком положении нарушается оспариваемое право.

Общеизвестным является тот факт, что когда обвиняемый «... в меньшей степени информирован о своих правах, и, как следствие, менее вероятно, что они будут соблюдаться» (§ 78 **Постановления от 24.09.09 г. по делу Пищальников против РФ**). Когда Жертва выражает намерение воспользоваться услугами защитника, то «власти были **обязаны** удостовериться в том, что он может воспользоваться этим правом, например **связавшись с адвокатом по телефону или иными доступными средствами**» (§ 107 **Постановления от 01.04.10 г. по делу Павленко против РФ**). «... на государство возложена **обязанность** организовать следствие таким образом, чтобы были соблюдены сроки и права защиты нарушены не были» (§ 134 **Постановления от 08.02.05 г. по делу «Панченко против РФ»**). «... право на защиту в производстве по уголовным делам является фундаментальным правом, которое влечет за собой право быть судимым в присутствии и при юридической помощи одного [адвоката] **по своему выбору** (...)... **интересы правосудия** могут требовать назначения адвоката против желания обвиняемого (...). Однако, любое такое ограничение должно иметь определенную и достаточно серьезную цель и не должно выходить за **рамки необходимого для защиты интересов правосудия** (...), и **внутреннее законодательство должно избегать** любого абсолютного запрета в отношении права на защиту самого себя в производстве по уголовным делам без помощи адвоката (...)... Государство-участник не обосновало, каким образом интересы правосудия в данном деле требовали участия защитника, действующего в силу занимаемой должности (*ex officio*), а лишь сослалось на статью 71(1)(9) Уголовно-процессуального кодекса, требующую участия адвоката защиты во всех делах, в которых участвует прокурор. Поэтому, Комитет приходит к выводу о том, что факты в данном случае указывают на нарушение права автора, в соответствии со статьей 14, (3)(d), **на помощь адвоката по его выбору**» (п. 11.5 **Соображений КПЧ от 29.03.16 г. по делу «Рамазан Есергепов против Казахстана»**).

Когда требуется однозначный ответ на подлежащий разрешению вопрос и решение этого вопроса находится в прямой зависимости от экспертного заключения, то суд по своей инициативе **обязан** назначить и организовать проведение экспертизы. Сомнения в правильности экспертного заключения имеет особую важность в деле, в котором нарушение правил проведения экспертизы допущено самим учреждением. Учитывая это обстоятельство, суды страны **обязаны** назначить повторную экспертизу **в свете принципов, установленных Конвенцией**. Нарушение этих требований несовместимо «с позитивным обязательством государства по установлению справедливого равновесия между конкурирующими интересами сторон разбирательства ...» (§§ 36, 37 **Постановления от 07.05.09 г. по делу «Калачева против РФ»**). «Как видно из материалов дела истец в судебном заседании заявлял ходатайство о назначении в рамках гражданского дела экспертизы для установления точной причины ..., ссылаясь на то, что имеющиеся в материалах дела два экспертных заключения, по экспертизам, проведенным до возбуждения гражданского дела, противоречат друг другу. Суд отказал в удовлетворении ходатайства о назначении в рамках гражданского дела экспертизы, положив в основу выводов заключение эксперта ... дано не в рамках гражданского дела, а в рамках уголовного дела и однозначных выводов о причинах ... не содержит. Между тем, указанные обстоятельства, имеющие существенное значение для разрешения данного спора, подлежали проверке и установлению при рассмотрении ... дела, однако в нарушение требований ... процессуального кодекса РФ судом не исследовались и не

проверялись. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации при таких обстоятельствах считает, что решение суда первой инстанции и кассационное определение нельзя признать законными и они подлежат отмене, а дело - направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции. При новом рассмотрении дела суду следует учесть изложенное и разрешить спор в соответствии с требованиями закона» (**Определение Верховного Суда РФ от 18.11.08 г. по делу № 5-В08-110**).

«Право на справедливое судебное разбирательство в соответствии с пунктом 1 статьи 6 является безусловным правом» (§ 86 **Постановления от 13.02.18 г. по делу «Буткевич против РФ**»).

«... "достаточные возможности" в значении статьи 14(3)(b) **должны** включать в себя доступ к документам и другим доказательствам; данный доступ **должен** включать в себя **все** материалы, которые сторона обвинения планирует представить в суде (...). Комитет далее принимает к сведению утверждение Государства-участника о том, что судья, председательствующий в судебном заседании, назначил защитника, действующего в силу занимаемой им должности и имеющего допуск к государственным секретам... автор отказался от услуг назначенного государством адвоката; кроме того, даже если бы у адвоката был полный доступ к доказательствам обвинения, у самого автора отсутствовала информация, позволяющая ему давать поручения своему адвокату и опровергать выдвинутые против него уголовные обвинения (...). Комитет считает, что представленные ему факты указывают на нарушение прав автора в соответствии со статьей 14 (3) (b) Пакта» (п. 11.4 **Соображений КПЧ от 29.03.16 г. по делу «Рамазан Есергепов против Казахстана**»).

«... статья 19 (2) Пакта требует, чтобы Государства-участники гарантировали право на свободное выражение мнений, включая свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любого рода, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати. Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка №34 в отношении статьи 19, согласно которому свобода убеждений и свобода выражения мнений являются критически важными для любого общества и являются краеугольным камнем для любого свободного и демократического общества (п.2). Любые ограничения по реализации данных свобод должны соответствовать строгим критериям необходимости и соразмерности. **Ограничения должны применяться только в целях, для которых они предназначены, и должны быть непосредственно связаны с конкретной потребностью, на которой они основываются** (п. 22) (...) (п. 11.7 **Соображений КПЧ от 29.03.16 г. по делу «Рамазан Есергепов против Казахстана**»)... статья 19(3) Пакта **допускает определенные ограничения, но лишь те, которые установлены законом и являются необходимыми:** (а) для уважения прав или репутации других лиц; (b) для охраны государственной безопасности или общественного порядка (ordre public), здоровья или нравственности населения. Комитет отмечает, что в случае установления государством ограничения в отношении прав, гарантированных в соответствии со статьей 19 (2), Государство-участник **должно** продемонстрировать, что такое **ограничение было необходимым в соответствующем случае, и что оно не действует каким-либо образом, не соответствующим задаче и цели** статьи 19 Пакта (...) (п. 11.8 там же)... в рассматриваемом деле государственные органы власти, по всей видимости, будут обосновывать ограничение свободы автора на выражение мнений соображениями общественного порядка. Однако, Государство-участник **не обосновывает в достаточной степени, каким образом публикация данных документов нарушила общественный порядок**... автор является журналистом, основная профессиональная задача которого состоит в информировании общества о вопросах, представляющих общественный интерес, и принимает к сведению утверждение автора о том, что **опубликованные документы вскрыли факты коррупции и злоупотребления полномочиями среди государственных должностных лиц. Государство-участник не опровергло данное заявление, равно как не привела какие-либо специальные доводы относительно необходимости ограничения свободы автора на выражение мнений**, кроме общей ссылки на допустимые основания для установления ограничений в соответствии со статьей 19(3). **В отсутствие достаточного обоснования** Государством-участником того, каким образом публикация данных документов нарушила общественный порядок в Государстве-участнике, Комитет приходит к выводу о том, что **права автора в соответствии со статьей 19(2) Пакта были нарушены**» (п. 11.9 там же).

Представитель Русскова С.В. и МОД « ОКП » .

Усманов Р. Р.

A handwritten signature in blue ink, appearing to read "Усманов", with a long horizontal flourish underneath.